Хроника текущих событий

информационный бюллетень Московской Хельсинкской группы

выходит два раза в месяц

№ 13 (18) октябрь 1997

Следственная тюрьма сгноит любого

Сколько шуму сейчас во всех средствах массовой информации, особенно на телевидении, — по поводу президентских выборов (до них еще два с половиной года), какое происходит бешенство компроматов (стыдно слушать!). Зато о главных проблемах жизни — о праве человека на свободу и на жизнь — телевидение вглухую молчит. Между тем отсюда главные беды и главная опасность для населения страны. Впрочем, даже та небольшая информация, которая проникает в печать или на телевидение, до сознания людей и доходит и как бы не доходит.

Общественное мнение, ужаснувшись тому, что узнало о следственных тюрьмах, сейчас, кажется, хотело бы о них забыть. "Да, конечно, ужас, — говорят одни, — об этом уже писали, это известно". Видно, то, что уже писали, их как-то успокаивает. В глазах других мольба: "Не надо о них, слишком больно, слишком стыдно, да и все равно сделать ничего нельзя".

Как я их понимаю! Хочется не знать, не помнить — как сказал великий поэт: можно бы "жизнь просвистать скворцом, заесть ореховым пирогом, да, видно, нельзя никак!". К тому же позиция "все равно ничего сделать нельзя" не так верна, как кажется.

О нынешних российских следственных тюрьмах действительно написано много, написано сильно, пронзительно (с фотографиями, от которых можно сойти с ума). Кажется, всего точнее сказал о них специальный докладчик Комиссии ООН Родли, написавший в своем отчете, что оказался не готов к той чудовищной картине, которую нашел в российских следственных тюрьмах, что ему "понадобился бы поэтический талант Данте и художественное мастерство Босха, чтобы точно изобразить адские условия, с которыми он столкнулся в этих камерах". Унизительные и бесчеловечные условия эти уже "сами по себе являются пытками".

И все-таки ни Данте, ни Босх не могли бы изобразить, что такое наша следственная тюрьма. Тяжко ползет, открываясь, дверь камеры — и тебя шибает горячим зловонием. Видишь словно бы какую-то пещеру, логово, с потолка свисает тряпье. Внизу стоят (потому что им некуда сесть) люди, похожие на мертвецов, а верхний ярус, где лежат спящие, напоминает морг. Тут все больны, тут вовсю гуляет не только чесотка, но и туберкулез, и гепатит. Как это описать? Напрягите воображение, представьте себе, что это вы стоите тут в невыносимой духоте, бок о бок, тесно с другими такими же несчастными и больными.

"Я ни в чем не виноват, — конечно, возразите вы, — зачем мне в тюрьму?" На это я вам отвечу со всей ответственностью: среди тех, кто гниет тут заживо, очень много людей, мало виноватых или вовсе не виноватых.

Когда государство берет человека под стражу, оно отвечает за его здоровье и жизнь. А у нас тюрьма берет молодых и здоровых, а возвращает развалины. Да, тут и слепнут, и глохнут, и сходят с ума. И умирают, не дождавшись суда.

По официальным данным, в 1996 году в СИЗО, где содержится 300 тысяч человек (это значит, что около трети российских заключенных сидит в тюрьме без судебного приговора!), умерло 1546 человек, больше всего от туберкулеза, затем идут болезни сердца, а поскольку тюрьма набита молодежью, молодые тут и погибают — я могу рассказать вам, как умер шестнадцатилетний (сердечное заболевание), как умер пятнадцатилетний (гепатит и перелом основания черепа). Можно нам все это терпеть?

Но все же как он возник, этот монстр, этот всесветный позор нашей страны? В период застоя подобного не было, а в горбачевские времена — видела собственными глазами — в тюремных камерах был некомплект, пустые места, зато, по свидетельству надзирателей, сидело тут действительно одно зверье, и его трудно было сторожить. Теперь, говорят, контингент куда более смирный.

Утверждение, будто число заключенных увеличилось потому, что возросла преступность и усилилась борьба с ней, чистая фикция: действительно, знают все, появилась свирепая организованная преступность, мощная, ворочающая гигантскими капиталами. Все видят: с неугодными она нагло, на глазах всей страны, расправляется руками наемных убийц. Но их самих и нанятых ими киллеров вы в наших следственных тюрьмах вряд ли найдете.

Так в чем же причина? В той легкости, с какой у нас бросают в тюрьму, — об этом я не раз писала, эта тема требует новых исследований (кстати, в цивилизованных странах государство регулирует число арестов, содержание арестантов стоит денег, а у нас течет нескончаемый и ничем не регулируемый поток арестантов, среди которых, повторю, очень много тех, кому здесь делать нечего, и нет многих из тех, кому только здесь и место).

Одна из главных причин — невероятные сроки содержания под стражей — о них-то и говорил проф. Стецовский. Обычно полагают, писал он, что проблему можно решить строительством новых тюремных зданий; это мало что даст. Нужно сокращать сроки предварительного заключения.

Они резко возросли в последнее время. До 1989 года предельный срок содержания под стражей в России составлял шесть месяцев, продле-

ствии рядом нормативных актов этот срок был увеличен до полутора лет (в три раза!). "Успеху борьбы с преступностью такие сроки отнюдь не способствуют, — пишет профессор А. Ларин, чье мнение нам особенно важно, поскольку, прежде чем стать доктором наук и профессором, он был знаменитым следователем. — Напротив, если по истечении полугода после ареста нет доказательств, необходимых и достаточных для передачи дела в суд, то, как правило, это происходит потому, что дело дутое, и следователь его затягивает, чтобы отсрочить наступление своей ответственности за провал расследования". А бывает, видела множество раз, человек сидит неделями и месяцами, а никаких следственных действий по его делу не производится, он просто так сидит.

Но как же полгода арестного срока растянулись до полутора лет?

Самым странным образом.

Все началось 28 ноября 1989 года, когда Верховный Совет принял закон (помню, это была неожиданность), согласно которому срок содержания под стражей был продлен до полутора лет, но то был закон, принятый Верховным Советом СССР, в России действовал прежний закон (максимальный срок — шесть месяцев). Правда, в том же 1989 году Президиум Верховного Совета РСФСР сделал попытку включить текст союзного закона в российский УПК, в его статью 97, однако попытка эта не удалась: указ Президиума ВС РСФСР не был утвержден самим Верховным Советом и, стало быть, законом не стал — можно сказать, что Россия тогда отбилась, в стране попрежнему высшим сроком содержания под стражей было 6 месяцев. Тогда сторонники долгих сроков поступили попросту: взяли и беззаконно вписали союзный закон в российский УПК. Статья 97 не была упразднена, на нее как бы сверху, задавив ее собой, насел текст закона СССР. "В таком беззаконном виде статья УПК РСФСР функционировала семь лет, — пишет проф. Ларин, — не существуя, вроде тыняновского поручика Киже, рожденного писарской опиской".

Однако союзный закон 1989 года не только удлинил срок содержания под стражей, он еще исключил из этого срока то время, в течение которого заключенный знакомится с материалами своего дела. Возник такой феномен: сидит человек в тюрьме (мы знаем, в каких условиях), время уходит, растрачиваются силы — проходит жизнь! — а тюремное время его Верховный Совет СССР остановил, и эта норма тоже была вписана в российский УПК. Между тем дела бывают сложные, многотомные, подсудимых несколько, они читают дело по очереди месяцами, иногда более года. По какому же времени сидит арестант, когда он знакомится с делом? По тому, что определено законом? Оно кончилось, он должен быть дома. По новому времени, установленному "поручиком Киже"? Но как по нему сидеть, если оно стоит на месте? Все-таки в дремучих головах возникает порой нечто распутинско-мистическое, разуму недоступное.

Кто же, однако, заинтересован в том, чтобы у обвиняемого не было времени для осуществления его законных прав? Только следователи самого худшего типа, те, кто найти преступника не умеет и потому может работать только с помощью насилия и фальсификации (кстати, именно такой заинтересован в том, чтобы тюрьма стала пыточной камерой). Только ему нужно, чтобы ни заключенный, ни его адвокат не имели времени спокойно разобраться в том, что написал он в своем обвинительном заключении (следователь-профессионал, напротив, заинтересован в том, чтобы его ошибки или недоработки, если они есть, были обнаружены и устранены до суда).

И вот подследственный оказывается в ловушке. "Мне как судье, — пишет С. Пашин, — понятно, почему он, всеми силами стремящийся вырваться из следственного изолятора, подчас не хочет знакомиться с материалами многотомного дела ценой продления пытки — голодом, чесоткой, духотой; постоянно я вижу, как такие люди, согласившись с окончанием следствия, потом спохватываются в суде".

Кто подсчитал, сколько несчастья людям и какой урон правосудию принес закон СССР 1989 года, удлинивший тюремный срок и изъявший из него время, необходимое для знакомства с делом?

Но вот в 1993 году в юридических кругах разнеслась радостная весть: вопрос о тюремных сроках принял к своему рассмотрению Конституционный суд (в те времена надежда на него была очень велика). Началось слушание, выступили стороны и эксперты, но вдруг КС отложил заседание, даже не указав дату следующего слушания, что обязан был сделать. И с тех пор не возвращался к этому вопросу целых три года. Только 13 июля 1996 года он признал наконец антиконституционным изъятие из общего срока времени ареста, необходимого для ознакомления с делом.

Разумеется, все, кто понимал проблему, приветствовали это долгожданное постановление, но вместе с тем многое казалось в нем странным. Так, например, КС ввел в этот правовой документ понятие "социально оправданные цели", очень опасное в правовом поле (мало ли кому что покажется социально оправданным!). Но, признав порядок антиконституционным, КС сохранил его действие на полгода. Многие юристы осуждали стремление Конституционного суда протянуть, не решать вопрос, они считали такую позицию опасной и оказались правы, предупреждая. Потому что произошло нечто чудовищное.

11 декабря 1996 года Дума приняла закон, подписанный президентом 31 декабря, который свел на нет даже само постановление КС. Если, по "поручику Киже", время ознакомления с делом не включалось в срок ареста, то на основании постановления КС 1996 года (пусть на полгода и отложенного) депутаты решили этот срок засчитывать, но зато приплюсовали к предельному полуторагодичному сроку заключения еще 6 месяцев. В это время обвиняемые должны успеть ознакомиться с материалами дела, а следователь по ходатайствам защиты провести дополнительные следственные действия. Таким образом, предварительное заключение может тянуться уже два года. Хочешь осуществлять свои законные права? Знакомиться с материалами дела? Заявлять ходатайства? Пожалуйста, но тебя наказывают за это (и притом зверски — всем известно, что такое следственная тюрьма).

А когда следствие окончено, арестованный сидит уже "за судом", и тут время уже вовсе не ограничено — дело откладывается по разным причинам (по большей части — нет народных заседа-

телей), а главное, у суда есть право отсылать его на доследование, попадает оно, как правило, тому же следователю (и закон это разрешает!), и не раз. Проходят годы. Недавно на свободу вышел человек, который провел в СИЗО восемь лет.

Но почему так произошло? Полагаю, поведение властей можно назвать популизмом эпохи нищеты, безработицы и других социальных бедствий.

Существует странное явление — феномен потерпевшего. Предположим, это отец, у которого убили сына, душа его обожжена, и ему кажется, что утолить ее может только кровь. Убийцы? Представьте себе, необязательно. Я не раз видела потерпевшего в разных обличьях (и мужских, и женских) в ситуации, когда сознание его как бы раздвоено — в день убийства он дал подробные показания о месте, времени, приметах, а на скамье подсудимых оказался некто, к кому эти показания не подходят. Отцу сказали, что это и есть убийца, он верит и не верит, он в смятении — может быть, он сам в чем-то ошибся, органам-то виднее, и что, если из-за него преступник уйдет от возмездия? Жажда покарать становится необоримой — тогда-то и начинают в его показаниях меняться и время, и рост, и цвет волос, и длина усов.

Примерно то же происходит сейчас с нашим несчастным, нищим, темным обществом, насмерть перепуганным ввиду роста и безнаказанности преступников, — тот же феномен раздвоенного сознания. С одной стороны, давно и хорошо известно: у подсудимого нередко вырывают "признание" путем пытки (физической или психической) — и все-таки "сам признался" обладает над людьми какой-то магической силой. Сколько наша печать рассказывала о невинно осужденных и даже невинно казненных — ничего не помогает: сидит в людских подкорках давнее "наши органы не ошибаются" или еще более древнее "нет дыма без огня".

Вот под эти-то массовые настроения и подстраивается законодатель. Я отказываюсь верить, что сам он так уж темным-темен, но я не могу не подозревать тут расчета и цинизма.

Страшное дело: тот, кто попал в тюрьму, разом словно бы отчуждается обществом и уже вне его сострадания. Он словно бы покрывается пеплом, ветшает и того хуже: рушится в преисподнюю и до него уже никому нет дела. Люди более совестливые успокаивают себя тем, что власти с ним разберутся. Но как? И сколько времени это займет? Недели и месяцы? Или годы и всю жизнь?

А арестные сроки все длиннее, а поток арестантов нарастает, а тюремные здания все те же — и понесут из них все новых и новых мертвых, тех, кого убила следственная тюрьма.

Значит — страна должна защищаться.

Значит — самооборона.

Нет, конечно, власти озабочены этой проблемой, многое делает Генеральная прокуратура (это особая тема), велика тут надежда на то, что пенитенциарная система будет передана в ведение Минюста (и это особая тема). Однако неизбежно потребуются законодательные изменения.

Многие вопросы могут быть решены разумно, в частности и вопрос ознакомления обвиняемого с материалами его дела, — тут есть простой выход, он был найден еще в эпоху Великих реформ, в 1864 году, когда в Уставе уголовного судопроизводства (юридически это то же, что наш УПК) указывалось: "По просьбе участвующих лиц следователь выдает копии протоколов и постановлений обвиняемому — бесплатно, частному обвинителю или гражданскому истцу — за установленную плату". Если рукописный XIX век мог выдавать на руки арестованным копии документов, то при нашей могучей множительной технике это сделать куда легче; тогда обвиняемые будут знакомиться с материалами дела в камере по копиям, а потом, во время ознакомления, сверять с оригиналами.

И вопрос о сроках содержания под стражей может быть решен разумно и справедливо, если, предположим, ввести в закон градацию в зависимости от категории дела — для Чикатило и для мальчишки, стянувшего коробку бананов, не могут быть одни и те же предельные сроки нахождения в следственной тюрьме.

Общество просто не знает, как обстоят дела, ему этого не разъясняют.

Есть у него право на информацию, и это право предполагает, в частности, что важнейшие законопроекты должны публиковаться в печати — эта практика почти забыта. А силы реакции подкрадываются втихаря и действуют в расчете на общественную апатию. Тот же закон от 31 декабря 1996 года — кто его готовил, какие круги обсуждали? — он и прошел почти незамеченным, этот страшный закон. Существует проект нового УПК — что он такое? Ходят о нем мрачные отзывы (в частности, вопрос об арестных сроках тут решен самым погибельным образом), но знает ли общество, что он уже принят Государственной Думой в первом чтении? Обычно против решений реакционного думского большинства поднимались многие депутаты, били тревогу, рассказывали в печати или по телевидению, в чем состоит опасность, — теперь и таких голосов не слышно.

Право на информацию предполагает профессиональную работу средств массовой информации, в том числе телевидения, более всего владеющего умами; у них есть мощные аналитики, но заняты они политическими проблемами и событиями — кто из них предупреждает людей, что идет наступление на их жизненные, корневые права — права на свободу и жизнь?

Необходимо сильное общественное движение, широкое просветительство, активный протест. Прежде всего юристы — должны ли правовые институты и академии чувствовать тут свою ответственность? Ученые и практики (от крупных теоретиков до юрисконсультов на предприятиях) — нынче их час! — пусть разъясняют людям, что грозит им самим, их сыновьям и внукам, в статьях, докладах, лекциях, через местную печать, радио, телевидение. В это движение должны включиться деятели искусства и культуры, правозащитники, преподаватели в институтах, учителя в школах (родители в семьях, да, и они) — никто не должен равнодушно смотреть, как принимаются законы, которые станут уродовать судьбы поколений. Молодежь должна быть тут особенно активна — она первая под ударом. Огромная надежда, конечно, на центральные средства массовой информации.

Я прекрасно понимаю, что общественные движения родятся не от газетных воззваний, знаю

также, каково нынешнее плотное людское равнодушие. И все же надеюсь на свойственный всем инстинкт самосохранения.

Недавно в "Общей газете" (№ 28, 1997) напечатан материал Виктора Матизена "Чужие уроки", небольшой, почти реплика, но замечательный по силе. Чужой урок — это события в Испании, когда в связи с убийством Мигеля Бланко миллионы испанцев вышли на улицы. А у нас? — спрашивает автор и вспоминает: времена Сталина, Хрущева, Брежнева, наше замечательное умение приспособиться к любому беззаконию и оправдать любую жестокость. А вот и нынешние дни. "Город с землей сравнивали "точечными бомбардировками"? Не нас же бомбят — их. Убили Холодова, убили Листьева — значит, зарвались ребята. Мы носа не суем куда не надо — и целы... Мы? Нас-то, оказывается, нет. Есть, как в советской песне, я, ты, он, она. Целая страна — под вопросом... Испания — целая страна, а испанец — не остров, но часть материка. Испанцы не спрашивают, "по ком звонит колокол".

А у нас по тем, кто без суда погиб в неволе, колокола вообще не звонят.

Ольга Чайковская
«Литературная газета», № 42 (5674) от 15.10.97

Пища и медпомощь — «согласно приказа»

От редакции. Нижеопубликованное письмо, приведенное с сокращениями, — крик о помощи из мест, называемых «не столь отдаленными», пришло к нам в сопровождении официальных документов из СИЗО 27/1: справки за подписью заместителя начальника ИЗ 27/1 подполковника Нитягова А.С. о том, что в изоляторе «туббольные» получают питание «согласно приказа» и справки из санчасти, заверяющей, что больные получают необходимое амбулаторное лечение, хотя там же сказано, что существуют перебои с финансированием.

Уважаемые представители Информационного центра правозащитного движения России. Обращаюсь к вам за помощью для решения вопроса, связанного с выполнением законов на территории, где нахожусь — в СИЗО 27/1 города Брянска.

Я, Мацуев Виктор Владимирович, уроженец Брянской области, на протяжении трех лет нахожусь под стражей за преступление, которого не совершал, по статье 108 часть II. В настоящее время заболел туберкулезом. Мне, как и другим заключенным, не оказывается медицинская помощь, так как, по словам администрации, ни денег на лечение больных, содержащихся в СИЗО, ни дополнительных средств на диетическое питание для больных туберкулезом арестантов на 1997 год не выделялось. Непринятие должного решения в отношении больных людей является не только прямым противоречием федеральному закону и Конституции РФ, но и попросту бесчеловечностью. Мало того, что содержание в изоляторе фактически приравнено к пытке, оно является прямой угрозой для жизни. В инстанциях Брянской области, в том числе в областной Думе, к этому относятся либо с безразличием, либо дают формальные отписки. А между тем практикуется не только нарушение статей 124 — 125 УК РФ, но и Конституции РФ. Следственный изолятор превращается в машину для уничтожения людей, не только осужденных, но и невиновных, не признанных виновными судом. Каждый из нас, находящихся здесь, все больше приходит к убеждению, что мы живем в неправовом государстве...

Уважаемые правозащитники, прошу вас опубликовать наше письмо в вашей газете с направлением Президенту РФ Б.Н. Ельцину, так как нами получены ответы из ГУИН и УИН о том, что денежные средства для оказания медицинской помощи содержащимся под стражей в СИЗО 27/1 города Брянска на 1997 год госбюджетом не выделялись. Хотя мы подозреваем нецелевое использование выделенных средств.

Понимаем тяжесть ситуации, сложившейся вокруг пенитенциарных учреждений в нашей стране, но не настолько же, чтобы сознательно обрекать людей на смерть...

С уважением к вам, подследственные и подсудимые:
Мацуев, Колесник, Лялин и др. (всего 14 подписей)

Размышления над «Тезисами»

Я согласен с тем, как сказала Л.М. Алексеева: «Правозащитники всякие нужны, правозащитники всякие важны». Зато во многом не согласен с «Тезисами» В. Глубокова из Омска (публикация в «ХТС» № 10 (15), сентябрь 1997 года). Начну с первого пункта «Тезисов».

Пункт 1. Автор считает, что правозащитная деятельность не является юридической, а только организационной. Но тогда что же это за организация и кого она организует? Всех обиженных нарушениями законов? Их миллионы, хотя бы в отношении невыплаты заработной платы. Или это политическая организация с привлечением специалистов (подразумеваются, наверное, юристы), а если не юристы, то причем тут слово «право»? Коммунистическое определение «право — это сила господствующего в обществе класса» в современном обществе — на деле означает произвол и насилие, чем и пользуются преступники. Демократическое понятие и определение «права» более расширенно и объемно, хотя тоже не исключает силу госаппарата и общества.

Любое знание — это сила, а новая газета народного движения «К Богодержавию» озаглавлена: «Знание — власть!» Помню, эмблемой прокуратуры были щит и меч. Действительно, знание юриспруденции, и не только органами государства, но и отдельными общественными организациями, отдельными гражданами, является силой; только в чьих руках и куда направлена эта сила, предназначенная защищать и наказывать?

Автор «Тезисов» лишает правозащитное движение этой силы.

Пункт 2. Эта деятельность непопулярна потому, что очень мало кто о ней знает, а вредна и опасна преступным элементам из среды чиновничества, от мала до велика. Вот так я бы формулировал этот пункт.

Пункт 4. В нынешних условиях говорят, что бесплатным бывает только сыр в мышеловке. Следовало бы указать, что бесплатно оказывается помощь только абсолютно неимущим, прочим — за 50 процентов тарифа юридических консультаций.

Пункт 5. Совсем какой-то абсурд. Если это организация, то она должна сплотить вокруг себя как можно больше сочувствующих, помогающих любыми способами людей, союзов, движений, ассоциаций и так далее. Она должна быть юридическим лицом со всеми вытекающими последствиями.

Пункт 6. Нелепый и незаконный пункт о том, что никакой чиновник не может быть правозащитником. Сожалею о таком выводе автора, потому что мне, как видно, судьбой было положено стать правозащитником.

В 1937 году, после ареста отца, мне пришлось работать в разных местах, помогая матери воспитывать троих младших в семье. В мае 1943 года «три мушкетера» — я и два моих друга — добровольно сбежали на фронт. Один из друзей вскоре погиб, второго не взяли в армию по причине плохого зрения, и он поступил в Томский университет. Но вскоре был осужден на 10 лет заключения за свою патриотическую писательскую деятельность. После демобилизации из армии в 1948 году по просьбе родителей моего осужденного друга мне пришлось писать унизительные прошения о помиловании, которые оставались безрезультатными и безответными.

В 1949 году, вместо желаемого Литинститута, я пошел учиться в юридический с мыслью: «Чтобы успешно бороться за справедливость, надо знать оружие врага». За десять лет работы в органах прокуратуры я сделал, на мой взгляд, немало добрых дел, в том числе добивался отмены незаконных приказов и прочих действий руководителей предприятий и учреждений с помощью протестов и представлений в порядке надзора. Это как раз и опровергает пункт 9 «Тезисов».

После трех с половиной лет работы в должности прокурора возникла такая ситуация, когда следователь милиции представил мне на утверждение обвинительное заключение с доказательствами вины директора промкомбината в расхищении крупных государственных средств. Первый секретарь райкома КПСС предложил прекратить дело и добавил: «Сегодня ты — прокурор, а завтра ты им можешь не быть». (Прокурор области после моего обращения к нему сказал: «Ты с ними работаешь, ты и решай», — при этом он не просто шутил, а страшно развеселился над моей невинностью.) После этого мне с трудом удалось расстаться с прокуратурой, но работа в коллегии адвокатов морального удовлетворения не дала.

В опровержение пунктов 6 и 9 «Тезисов» приведу пример не просто добросовестного, но и беззаветного служения Закону моего первого начальника и наставника — прокурора К., который в 70-х годах арестовал и добился осуждения к 12 годам лишения свободы председателя Сочинского горисполкома. Узнав об этом из статьи в «Литературной газете», я подумал: «Дорогой Петр, ты сам себе вынес приговор». Так и случилось. Его исключили из партии, и зарабатывать себе пенсию он уехал на Север. Если считаться с предложенными «Тезисами», то кем же тогда считать адвокатов Софью Каллистратову, Дину Каминскую и Бориса Золотухина?

В пунктах 10 и 11 перепутана оценка роли суда и прокуратуры. Роль суда непомерно завышена. Согласно Федеральному закону «О судебной системе», судьи — независимы, несменяемы, неприкосновенны, бесконтрольны и творят что вздумается, пользуясь неразберихой в законах или, как выражается автор «Тезисов» В. Глубоков, «...на почве слабости власти». Это я могу подтвердить на собственном примере и доказать, что судьи, как и средства массовой информации, подчинены местной администрации, которая имеет своих экономических и политических цензоров. Особенно СМИ зависимы от этой двойной цензуры в Мытищах.

В заключение хочется сказать, что «Тезисы» дезорганизуют работу или, точнее, дезорганизуют работу правозащитников. Это мое личное мнение.

Николай Патраков, Московская область, г. Мытищи

У нового закона появились первые жертвы

Новый закон «О свободе совести и религиозных объединениях» призван, по тексту письма Президента РФ спикеру ГД РФ Г.Н. Селезневу, защитить граждан от «духовной агрессии». Судя по контексту, речь идет о тех религиозных общинах, которые не могли начать открытую деятельность в России до 1982 года, так как их официальные права на распространение своего вероучения должны исчисляться 15-летним сроком. Если религиозная организация не имеет документа, подтверждающего ее существование на соответствующей территории на протяжении не менее 15 лет, то она лишается права создавать образовательные учреждения, проводить обряды в тюрьмах и больницах, производить и импортировать печатные, аудио- и видеоматериалы, учреждать свои СМИ, приглашать иностранных граждан и создавать при себе представительства. Такие организации пользуются «лишенскими» правами юридического лица при условии их ежегодной перерегистрации до наступления указанного 15-летнего срока.

О какого рода «агрессии» шла речь в 1982 году, можно установить по «Карманному справочнику атеиста» 1983 года: «Не подлежат регистрации религиозные общества и группы, вероучение которых носит антигосударственный характер и сопряжено с посягательством на

права и здоровье граждан». К началу перестройки в СССР были легальными всего 40 религиозных объединений.

Еще до принятия в 1990 г. либерального Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» организационная активность верующих резко возросла. Пропагандистские источники (издававшиеся АПН на иностранных языках для оболванивания иностранцев) сообщали, что только за 1988 год было дано разрешение на создание 1610 религиозных объединений (за 1987 год такое разрешение получили всего 104 общины), действовало около 20 тысяч церквей, синагог, дацанов, мечетей и других культовых зданий. Однако в отсутствие соответствующего законодательства общественные и религиозные объединения не могли создаваться в рамках гражданской инициативы: требовалось разрешение властей и наличие структурной «крыши», находящейся под контролем КПСС. Первыми могли создаваться профсоюзы, поэтому «Богородичный центр» сначала зарегистрировался как «Профсоюз монашествующих».

В условиях распада Советского Союза единой и разрешительной системы регистрации религиозных объединений не сохранилось; часть религиозных объединений прошла регистрацию в Минюсте РФ еще в 1991-м. К марту 1992 г. после перерегистрации новые свидетельства в Министерстве юстиции РФ получили 113 церквей, духовных управлений, религиозных центров, братств, монастырей, миссий, обществ, духовных учебных заведений, представляющих 22 конфессии.

Федеральный закон 1997 года определяет, что регистрацией религиозных объединений занимается Министерство юстиции РФ и органы юстиции субъектов РФ. Однако специалисты Минюста РФ находятся в затруднении перед вопросом — за какими из религиозных объединений можно признать 15-летний срок существования? Пока же в числе жертв нового закона оказались верующие самых разных исповеданий, попавшие в «черные списки» так называемого комитета по спасению молодежи или каких-либо других идеологических структур: православное Общество ревнителей истинного благочестия, храм Сознания Кришны, пятидесятники церкви и лютеране.

2 октября наряд московского 49-го отделения милиции во главе с участковым Мамедовым произвел обыск в квартире, где проживают последователи катакомбного православия. Обыск производился при участии родителей 28-летней Светланы Герасимовой: уже дважды они отправляли ее на лечение в психиатрическую больницу, но Светлана не исцелилась от «излишнего» благочестия. В этой квартире ее не было, поэтому «милиция стала «давить» — по словам верующих, глава общины Петр Белицкий был поставлен к окну под дуло автомата. Теперь у нас есть закон, чтобы с вами справиться, — заявил ему милиционер. Мы тут одни, свидетелей нет, увезем всех в лес, расстреляем, и все», — продолжил он. В это время родители Герасимовой рылись в личных вещах верующих и требовали арестовать их как наркоманов. Начальник наряда проверил зрачки и пришел к выводу, что нет, пожалуй, не наркоманы. Петру снова досталось, на этот раз связкой ключей по лицу. «Глаз выбью», — пообещал милиционер. По просьбе верующих Светлана приехала; родители увели ее с собой, а лидеры общины — Инна Соркина и Петр Белицкий — были задержаны и доставлены в отделение: Инну отпустили через 5 часов, Петра — утром, после того, как был за него внесли штраф в 5 минимальных зарплат за отсутствие документов.

Члены общины обратились с жалобой в Управление собственной безопасности (УСБ) и прокуратуру на противозаконные действия сотрудников милиции (угроза расстрелом и нанесением тяжких телесных повреждений, проведение незаконного обыска, нанесение побоев). Петр Белицкий, проповедник строгого православного благочестия и установления конституционной монархии, вновь — как при коммунистах — пережил бессмысленное насилие со стороны представителей власти, при поддержке Бориса Ельцина. Удивляет то, что произошло это на фоне известных монархических инициатив в правительстве и именно с теми православными, кто стоит в пикетах в поддержку Президента РФ.

В тот же день в 21.30 (после 9 вечера большинство кришнаитов ложатся спать, так как встают в 5 утра) подверглись проверке документов обитатели храма Сознания Кришны, что возле метро "Беговая". Было задержано 11 человек — "нет регистрации": утром десятерых отпустили, один — Константин Лисицын — отправлен в Воронеж, так как не смог предъявить документы, свидетельствующие о том, что у него нет проблем с призывной комиссией. Формально в этом случае жаловаться на действия сотрудников 109-го ОМ нет оснований, но настораживает тот факт, что подобных внезапных проверок не проводилось в храме в течение всего времени его существования, то есть с 1990 года. Более того, когда на территории храма появлялись разнообразные сумасшедшие, нарушавшие мирную жизнь верующих, милиция обычно не откликалась на просьбы прибыть и навести порядок.

В воскресенье, 5 октября, пастор Тарас Савелюк пришел на занятия в библейскую школу "Альфа и Омега", которой он руководит последние годы, и обнаружил повестку в милицию. Как законопослушный гражданин, он прибыл в понедельник, 6 октября, в 10 утра в отделение, где от него потребовали закрыть школу. По словам пастора, за отрицательный ответ заместитель начальника отделения надел на него наручники. Отказ в дальнейшей аренде помещения получил пятидесятник Игорь Дикса, с 1995 года проводивший богослужения в военном городке Одинцовского района Московской области. Наконец, по сообщению агентства "Благовест-инфо", в конце сентября официальное письмо о приостановлении дальнейшей деятельности его организации получил директор Евангелическо-Лютеранской миссии Хакасии Павел Заякин.

По-видимому, распространенный прогноз о грядущих массовых и легко выявляемых нарушениях прав верующих оказывается ложным. Вместо этого нас ожидают многочисленные и мало связанные друг с другом акции властей, в ходе которых будут действовать самые произвольные идеологические представления, как во времена застоя. Другое дело, что мы уже привыкли видеть на улицах города милиционеров с автоматами, тогда как в 1980-е такая картинка могла бы шокировать любого. Вести идеологическую борьбу, преследовать верующих — это не с бандитами "разбираться", для этого надевать бронежилеты и вооружаться автоматами не нужно, хватило бы и просто здоровых кулаков. Видимо, здесь действуют силы, для которых актуально перевести стрелки с организованной преступности на организованных верующих.

Валерий Никольский

P.S.: Московские правозащитники и представители крупных религиозных конфессий выступили с инициативой создания общественного неполитического движения «За свободу совести и светское государство». Образован Оргкомитет движения на базе Московской Хельсинкской группы.

Просим сообщать в Информационный центр правозащитного движения о случаях нарушений прав и произвола в отношении верующих.

Вычеркнутые из списков (печальные истории, услышанные в общественной приемной МХГ)

БОМЖ

Токарь Валерий Гребнев любил трудности. Сначала строил ГЭС на Колыме. Жил с семьей в бывшем свинарнике, кровати ставили на высоких чурбанах, чтобы забраться повыше от холода. Вверху свечка плавилась от жары, а внизу вода, ковшом не пробьешь, замерзала, хоть и печка топилась целый день. Зато название поселка звучало сказочно — Семигорье.

Потом был Светлогорск — Курейская ГЭС, настоящие строители коммунизма, от красивых слов и дел захватывало дух. Прожили во временном бараке с двумя детьми девять лет. Наконец получили квартиру, но пожить в ней удалось недолго, перестройка помешала. С помощью главного перестройщика, Генерального секретаря КПСС Горбачева, понял токарь Гребнев, что так жить и работать больше нельзя, человек уважать себя должен. Стал догадываться, что под романтику, под коммунистические лозунги начальство списывает многое, в том числе и злостное нарушение техники безопасности на работе, прибавляет людям трудностей, чтобы им скучно не было. Рядом со станком Гребнева обдирают на точильных наждаках детали. Наждаки работают без пылеотсасывающих устройств, и наждачная пыль вдыхается в легкие работающих рядом. Тем временем, как выяснил Гребнев, эти устройства ржавеют на складе. Рядом гоняют ремонтируемые автомобильные моторы, сизый выхлопной дым тоже остается в цехе. Только успевай от всех этих ароматов отхаркиваться. И так каждый день. Сколько легкие могут протянуть?

Озадаченный состоянием дел с техникой безопасности, пошел Гребнев к начальнику автотранспортного предприятия, потом к начальнику строительства ГЭС. Его, даже как следует не выслушав, обрезали: не нравится — скатертью дорога, контейнер к дому и до свидания. Дальше писал в ВЦСПС, Минэнерго, письмо лично Председателю Совета Министров Рыжкову, и даже Горбачева токарь просветил заочно о порядках на стройке. Шел уже 1988 год, «верхи» строили социализм с человеческим лицом, но до человека просто руки не доходили. А внизу, очевидно, не знали, что такое значит социализм с человеческим лицом, действовали по законам с другой физиономией. Стали ломать бунтаря. Во всех бедах и неприятностях на стройке Гребнева выставлять главным виновником перед людьми. Заставил мастер его делать сферические подшипники, а металла нет. Объявили в приказе, что по вине Гребнева простоял БелАЗ. И лишили его премии. Постоянно стали срезать ему коэффициент трудового участия, по которому начисляли зарплату. Дожимали человека.

Отступать Гребневу было некуда. Взял он 12 дней в счет отпуска и поехал искать правду лично в ЦК КПСС. Потолкался у парадного подъезда и вернулся ни с чем обратно в Светлогорск. Только деньги прокатал.

Доведенный до крайности, пошел на отчаянный шаг. В инструкции по технике безопасности прямо говорится: если чувствуешь опасность для жизни, не имеешь право работать, и Гребнев все сделал по инструкции, объявив двухнедельную акцию протеста, проще говоря забастовку. Выходил на работу, находился на рабочем месте, но к выполнению своих обязанностей отказывался приступать до тех пор, пока не обеспечат безопасность труда. По наивности предупредил о своем поступке телеграммой Горбачева. То ли Горбачеву не доложили о ЧП в Светлогорске, то ли он был в отъезде, а без него члены Политбюро побоялись брать на себя ответственность? Отправили телеграмму по месту жительства правдохи, в Красноярский край, пускай, мол, сами местные партийные царьки разбираются с техникой безопасности на стройках коммунизма.

И стали разбираться, приехала комиссия из краевого центра, профсоюзная вперемежку с партийной. Зашли в газовую камеру, называемую ремонтным цехом, и сразу установили, что токарь Гребнев прав — техника безопасности на предприятии находится в отвратительном состоянии. Начальство стройки забегало, тут же все исправило. Комиссия осталась довольна оперативностью, погрозила администрации пальцем и уехала.

Распрощавшись с комиссией, руководство стройки решило послать вслед им и возмутителя спокойствия, токаря Гребнева. Стали оформлять его увольнение за прогулы, те четыре дня, когда он находился на рабочем месте, но не приступал к работе. Чтобы соблюсти формальности, собрали профком. Нашли пять человек из девяти, четыре проголосовали против увольнения. Это было 25 мая 1988 года. На следующий день начальство решило исправить положение и повторить голосование. Для укрепления духа членов профкома на заседание прибыли начальник автотранспортного предприятия, заместитель начальника стройки по быту, секретарь парткома и председатель профкома стройки, начальник цеха, где работал Гребнев. После разъяснительной работы члены профкома поняли, что совершили «ошибку», встав на сторону рабочего, который «разваливает» коллектив. В результате четыре человека, одумавшись, проголосовали за увольнение Гребнева и только один из членов профкома, В. Волошин, не побоявшись угроз и взглядов начальства, опять выступил в защиту Гребнева.

Бунтаря токаря в результате уволили «по всем правилам». Почему-то никто не обратил внимание на то, что на заседании присутствовали всего пять членов профкома при избранных и действующих девяти. Значит, для законности принятого решения необходимо было больше половины голосов не от присутствующих, а от всего состава профкома, то есть не меньше пяти голосов. Куда только ни обращался после Гребнев, доказывая,

что произошла грубая фальсификация. Никто его не слышал.

«В ходе проверки подтвердились факты наличия вредных условий труда рабочих ремонтного цеха. За указанные нарушения ответственные работники АТП подвергнуты штрафу...

Ваше увольнение по ст. 33 п. 4 КЗОТ совершено на законном основании, с согласия профсоюзного комитета».

Инструктор отдела строительства крайкома КПСС Л. Усачев. 22.08.88 г.»

«По п. 4 ст. 33 КЗоТ РСФСР, за невыход на работу с 23 по 26 мая 1988 г. Вы уволены на законном основании, о чем Вам неоднократно разъяснялось».

Заместитель Генерального прокурора РФ В.И. Давыдов

«Руководством Генеральной прокуратуры РФ оснований для опротестования приказа о Вашем увольнении не найдено.»

И. о. начальника приемной Л. А. Иванова

Токарь Валерий Гребнев продолжал верить в справедливость, стучался во все двери. Игарский суд заволокитил его дело, да и никто не верил тогда в суды. Приемная ЦК КПСС, письмо на XIX партконференцию, непосредственно к конкретным делегатам. Письма прокурору Игарки, прокурору края, в прокуратуру СССР, прокуратуру РСФСР, России, к депутатам бывшего Верховного Совета СССР Собчаку, Белозерцеву, в комиссии по правам человека, по законодательству, правопорядку и борьбе с преступностью, по законодательству Верховного Совета РФ, три раза в Конституционный суд, в Государственную Думу. Никто ему не смог или, вернее, не захотел помочь.

Тем временем Гребнев не мог даже заработать на кусок хлеба, запись в трудовой книжке не давала токарю возможность устроиться на работу, тем более в Светлогорске. В отделах кадров предприятий от него отмахивались, как от чумы. Года два он бродил от предприятия к предприятию. А потом бросил бесперспективное занятие. Стал бомжем, перебивается до сих пор случайной работой, потерял семью, которая раскидана сейчас по разным городам. После окончания строительства дом, где Гребнев был прописан, разобрали. Сейчас в его паспорте обозначено место жительства: город Светлогорск, первый микрорайон, д. 2. Дом, которого уже нет в реальности. Он не может получить пенсию, потому что нигде не прописан. Одно цепляется за другое .

Страшная судьба оказалась у ветерана труда, звание Гребневу присвоили еще в 1986 году. Как ему дальше жить, к кому еще обращаться?

Альберт Сперанский,
заведующий общественной приемной МХГ
Продолжение историй в следующем номере

Свобода слова в Татарстане

По сообщению Комитета по защите прав человека Республики Татарстан (РТ), Татарстанского фонда помощи беженцам и вынужденным переселенцам, Союза правозащитных организаций РТ, в Республике Татарстан, серьезно нарушается свобода слова. Большинство газет Республики учреждены государственными инстанциями.

После опубликования в независимой газете "Крис" статьи, критикующей деятельность Управления Федеральной службы налоговой полиции по РТ, был арестован учредитель газеты и ряд сотрудников, конфискованы печать и документы. Адвокаты К. Иванов и Ю. Белавина заявили о том, что со стороны заместителя начальника следственной службы Налоговой полиции В. Осипова на них оказывалось давление, в том числе "требования заставить подзащитного дать нужные показания, в противном случае Осипов угрожал направить представление в Президиум Межреспубликанской коллегии адвокатов, возбудить уголовное дело в соучастии, создать невозможные условия работы в Казани, по профессии как адвоката так и по любой другой". От адвокатов на имя руководителя юридической консультации № 10, где они работают, поступили заявления, в которых они приводят многочисленные факты нарушений УПК следователем Г. Якуповым и одним из руководителей следственной службы В. Осиповым.

После выступления ответственного секретаря Союза журналистов РТ Ф. Манасыпова на международном семинаре в Берне по проблемам свободы слова в Татарстане руководство этой журналистской организации без всяких комментариев и объяснений для сотен рядовых членов организации приняло решение, не предусмотренное ее Уставом, о "приостановлении полномочий" Ф. Манасыпова. Процедура приостановления происходила без участия главного героя Ф. Манасыпов до сих пор не имеет возможности, несмотря на свои просьбы, познакомиться с протоколом собрания журналистов.

В 1997 году, по мнению казанских правозащитников, были нарушены права журналистов М. Аглиуллина, Х. Бадретдинова, Т. Бареева, И. Файзрахманова, Ф. Манасыпова. В то же самое время, по данным А. Латышева — председателя комиссии по присуждению премий Союза журналистов РТ "за высокое журналистское мастерство, актуальность публикации и личное мужество журналиста, проявленное им при выполнении профессионального долга", —первыми лауреатами журналистской премии стали авторы публицистической книги "Первый президент Минтимер Шаймиев", при написании которой, очевидно, было проявлено личное мужество и смелость.

После обращения ряда правозащитных организаций РТ и рядовых членов Союза журналистов РТ к своим коллегам в России и за рубежом в Казани идет речь о создании альтернативного профессионального творческого союза, способного защищать интересы журналистов, а не оказывать добрые услуги власти.

Сообщение Комитета по правам человека Республики Татарстан

Адрес редакции: 103045, Москва, Большой Головин переулок, дом 22, строение 1, комната 13. Телефон (095) 207-7404, тел./факс 207-1794, 207-6069.
E-mail: mhg@glasnet.ru
Редактор Елена Гришина, ответственный секретарь Алексей Малинин